

Исследования и публикации

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.6.8.19>

РЕМЕСЛЕННАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ УСАДЕБ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО БОЛГАРА¹

© 2021 г. Д.Ю. Бадеев

Археологические исследования 2011–2020 гг. в центральной части Болгарского городища позволили выделить границы городских усадеб второй половины XIII – начала XV вв. В статье обобщен и представлен анализ планиграфического и стратиграфического распределения характерных для ремесленных производств предметов: сырье, заготовки, брак, инструменты и производственные комплексы (горны). Впервые для данного участка городища представлены статистические данные по таким категориям предметов как стеклянные щитковые перстни и каменные литейные формы. Именно в раскопах 2011 – 2020 гг. зафиксирована максимальная концентрация указанных категорий предметов (стеклянных перстней – 1674 шт., створок литейных форм – 67 шт.). В результате удалось локализовать ремесленные производства (меднолитейное, ювелирное, косторезное, стеклообрабатывающее и обработка янтаря) в границах конкретных усадеб. Установлено, что ремесленные мастерские, в большинстве случаев, занимали внутренние части усадебных территорий.

Ключевые слова: средневековый город; Золотая Орда; городская усадьба; ремесло; янтарь; литейная форма; стеклообрабатывающая мастерская; ювелирное ремесло; косторезное ремесло.

HANDICRAFT SPECIALIZATION OF HOMESTEADS IN THE CENTRAL PART OF THE GOLDEN HORDE BOLGAR²

D.Yu. Badeev

Archaeological studies of 2011–2020 in the central part of Bolgar fortified settlement have allowed to identify the boundaries of urban estates of the second half of the 13th – early 15th centuries. The paper summarizes and presents an analysis of the spatial and stratigraphic distribution of the items characteristic of handicraft industries: raw materials, blanks, scrap, tools and production complexes (kilns). For the first time, statistical data on such categories of objects as glass signet rings and stone molds are presented for this portion of the fortified settlement. It was the excavations of 2011–2020 where the maximum concentration of these categories of items was recorded (glass signet rings – 1674 pcs., mold casings – 67 pcs.). As a result, it was possible to localize handicraft production (copper foundry, jewelry, bone cutting, glass processing and amber processing) within the boundaries of specific estates. It was established that in most cases, craft workshops occupied the inner parts of estate territories.

Keywords: archaeology, medieval city, Golden Horde, town homestead, handicraft, amber, foundry mold, glassmaker workshop, jewelry craft, bone-cutting craft.

Важным элементом практически любого средневекового города выступает торгово-ремесленный район – часть городской территории, на которой отмечается максимальная концентрация ремесленного производства и располагается место для осуществления торговли. В разных градостроительных традициях эти районы (посад, подол, предградье, предместье, рабад) формировались

вокруг стен, окружавших первоначальный город (детинец, шахристан, медина) или замок (арк). В золотоордынских городах подобные районы складываются вокруг административных (дворцовых комплексов) или религиозных центров (мечетей) (Зеленева, 2010, с. 117). Как показали многолетние археологические исследования на территории Болгарского городища, наивысшая концентрация ремесленного производства в золотоордынский период была сосредоточена к западу и

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН «Динамика исторической жизни и культурная идентичность в Восточной Европе от эпохи Великого переселения народов до Московской Руси – археологическое измерение» (№ НИОКТР АААА-А18-118021690056-7).

² The paper was prepared within the framework of the research work of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences “Dynamics of Historical Life and Cultural Identity in Eastern Europe from Great Migration to Moscow Russia - an Archaeological Dimension” (No. NIOKTR АААА-А18-118021690056-7).

юго-западу от Соборной мечети, на месте, где в домонгольский период активно развивался район связанный с металлообработкой. В ходе работ второй половины XX в. здесь были зафиксированы наземные металлургические горны для плавки меди, железа и чугуна, а также ямы, заполненные отходами косторезных и кожевенных производств (Хованская, 1951, с. 120–126). В 1989 г. начались исследования монументального сооружения городского базара, у северо-восточной стены которого была отмечена высокая концентрация стеклянных бус и перстней, обнаружены предположительно фрагменты глинобитного горна, данные находки позволили говорить о существовании в данном районе и мастерской по обработке стекла (Кокорина и др., 1994; Кокорина, 2005; Полубояринова, 2006).

В ходе работ 2011 – 2020 гг., с учетом ранее изученных участков, к юго-западу от Соборной мечети сплошная площадь исследований превысила 2600 кв.м. Благодаря сплошному обследованию и дополнительной детализации стратиграфической шкалы золотоордынского периода, выделения отдельных субгоризонтов, удалось составить непротиворечивую картину планировки данного городского района для второй половины XIII – начала XV в., где на разных этапах существовало от 3 до 9 усадеб, которые примыкали друг к другу и располагались вдоль улиц (рис. 1, 3, 5). Определение границ землевладений происходило на основе планиграфического расположения синхронных друг другу объектов, прежде всего, остатков линий ограждений – частоколов, оград из сырцовых и обожженных кирпичей, а также, крупных подвалов (Бадеев, 2019), соотнесение выявленных объектов с близлежащими крупными монументальными сооружениями (Соборная мечеть, городской базар), которые выступали архитектурными доминантами (Бадеев, 2015, рис. 1). Особый интерес представляет возможность сопоставить выделенные городские усадьбы с зафиксированными здесь ремесленными комплексами, проследить, как происходило распределение и перемещение находок связанных с производством в пространстве в результате хозяйственной деятельности.

Ремесленные комплексы золотоордынского периода на площадке исследований к юго-западу от Соборной мечети, в первую очередь,

были связаны с меднолитейным и ювелирным производством. В раскопе CLXXIX (2015 г.) в прослойках, которые по монетному материалу и стратиграфии датированы концом XIII – первой третью XIV вв., были выявлены остатки меднолитейного комплекса (Бадеев, Коваль, 2018, с. 277–279). Здесь было зафиксировано пятно прокала округлой формы (диаметром – 80. см и мощностью до 12-15 см) и фрагменты деревянного настила. Деревянный настил располагался к северо-востоку от пятна прокала и состоял из покрытых медными окислами досок ориентированных по оси северо-восток – юго-запад. С остатками разрушенного наземного горна могут быть связаны скопления обожженной глины, которые располагались в непосредственной близости от пятна прокала. Вокруг данных объектов была отмечена концентрация медных шлаков, она широкой полосой протянулась на 4 м с юго-запада на северо-восток. В заполнении синхронных сооружений объектов (подвалов) и в прослойках с ним связанных было выявлено большое количество обрезков и обломков медных изделий, подготовленных к переплавке, а также костей животных, покрытых зеленым налетом окиси меди. Кроме того, рядом с деревянным настилом и пятном прокала в вышележащих напластованиях и заполнении ям, в переотложенном состоянии, было выявлено 6 керамических тиглей и их обломков, а также 1 целая каменная створка литейной формы для изготовления грузиков грибовидной формы и 2 обломка от других каменных форм. Керамические тигли с площадки исследования были представлены изделиями подцилиндрической формы с округлым дном и имели небольшие размеры (высотой не более 6 см и диаметром не более 5 см), толщина стенок составляла 0,2-0,6 см. Внешняя поверхность тиглей сильно ошлакована, что свидетельствует об их активном использовании, на стенках заметны следы окислов зеленого цвета. Локализацию мастерской можно соотнести с усадьбой «А» конца XIII – начала XIV в. (рис. 1), которая попала в зону исследований лишь северо-восточной частью, где значительную площадь, судя по синхронным с остатками горнов подвалам, занимали жилые постройки. Производственный комплекс располагался во внутренней части двора. Нельзя исключать и того, что

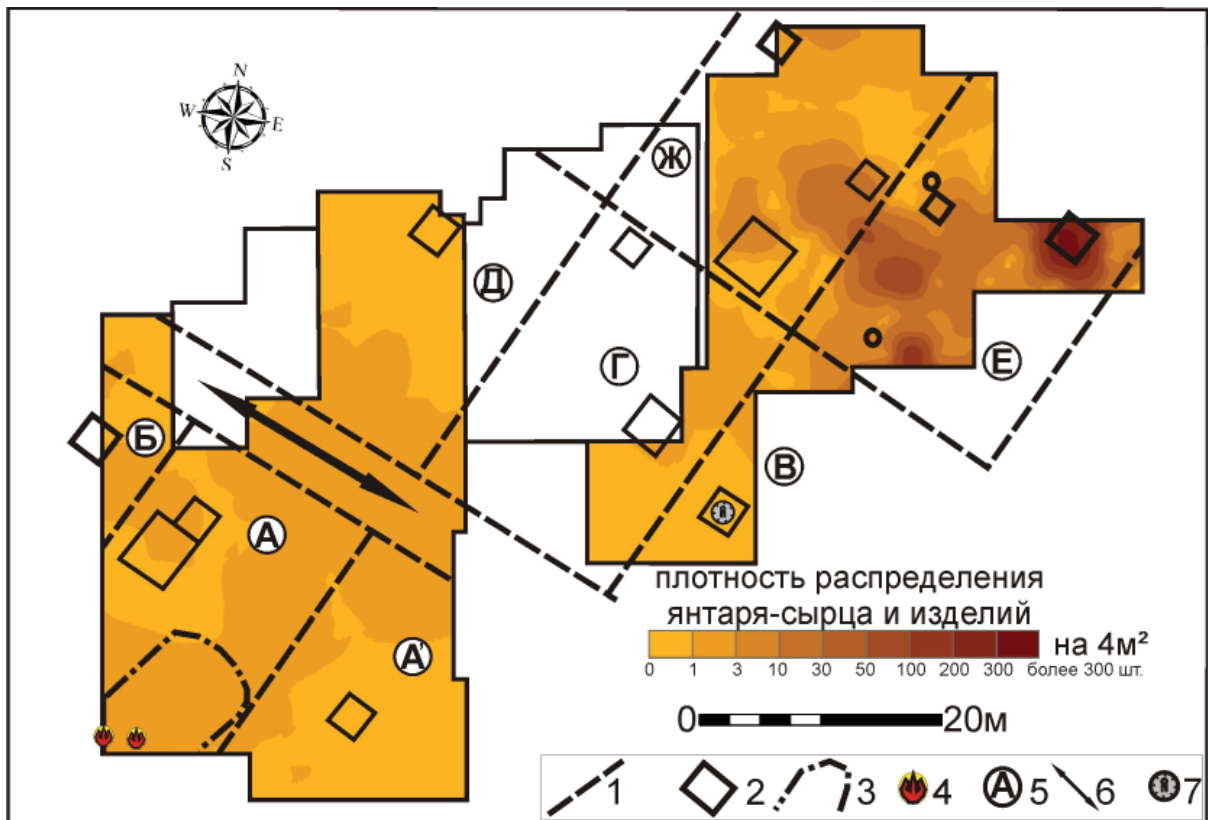

Рис. 1. Усадьбы конца XIII – начала XIV в. (раскопы CLXII, CLXXIX, CXCII – 2011-2018 гг.).

Ювелирные и меднолитейные мастерские на усадьбах «А», «В», «Е».

Плотность распределения янтаря сырца и изделий из него.

1 – границы усадеб; 2 – подвалы; 3 – границы максимального распространения медного шлака; 4 – место меднолитейных горнов; 5 – название усадьбы; 6 – трасса улицы; 7 – место находки железного монетного штампа.

Fig. 1. Homesteads of the late 13th – early 14th c. (excavations CLXII, CLXXIX, CXCII – 2011-2018). Jewelry and copper foundries at the estates "A", "B", "E". Density of distribution of raw amber and its products: 1 – boundaries of the homesteads; 2 – basements; 3 – boundaries of the maximum distribution of copper slag; 4 – location of copper foundries; 5 – name of the homestead; 6 – street route; 7 – iron coin stamp discovery location.

ещё одно производство связанное с обработкой цветных металлов в конце XIII – начале XIV в. располагалось и на территории усадьбы «В», где одной из самых ярких находок в заполнении подвала являлся железный монетный штампель (Бадеев, Коваль, 2018, с. 277, 280, рис. 5, 2), поверхность с изображением на котором была испорчена, а сам он использовался в качестве наковаленки. К сожалению, на данный момент изучен лишь северо-западный край данной усадьбы.

В один период с меднолитейным производством (к. XIII – н. XIV в.) на участке исследований существовала и ювелирная мастерская, которая специализировалась на обработке янтаря. Планиграфия распределения янтарных находок наглядно показывает, что их наибольшая концентрация была связана с территорией усадьбы «Е», где рабо-

тами 2017-18 гг. на раскопе CXCII в рамках напластований и объектов золотоордынского времени было выявлено не менее 2000 единиц изделий из янтаря и обломки янтаря-сырца (рис. 1). Находки из янтаря демонстрировали всю линию производственного процесса: сырье было представлено целыми кусками ископаемой смолы, размеры которых редко превышали 4 см, окраска янтаря от желтого до темно-красного цвета; заготовки изделий, в большинстве случаев, устанавливались по отсутствию сквозного отверстия для таких категорий изделий как бусы и привески; готовые изделия были представлены тремя крупными категориями предметов: бусы, подвески, вставки; к производственному браку были отнесены изделия, которые имели частичную утрату; к отходам производства относились обломки янтаря, чьи размеры не

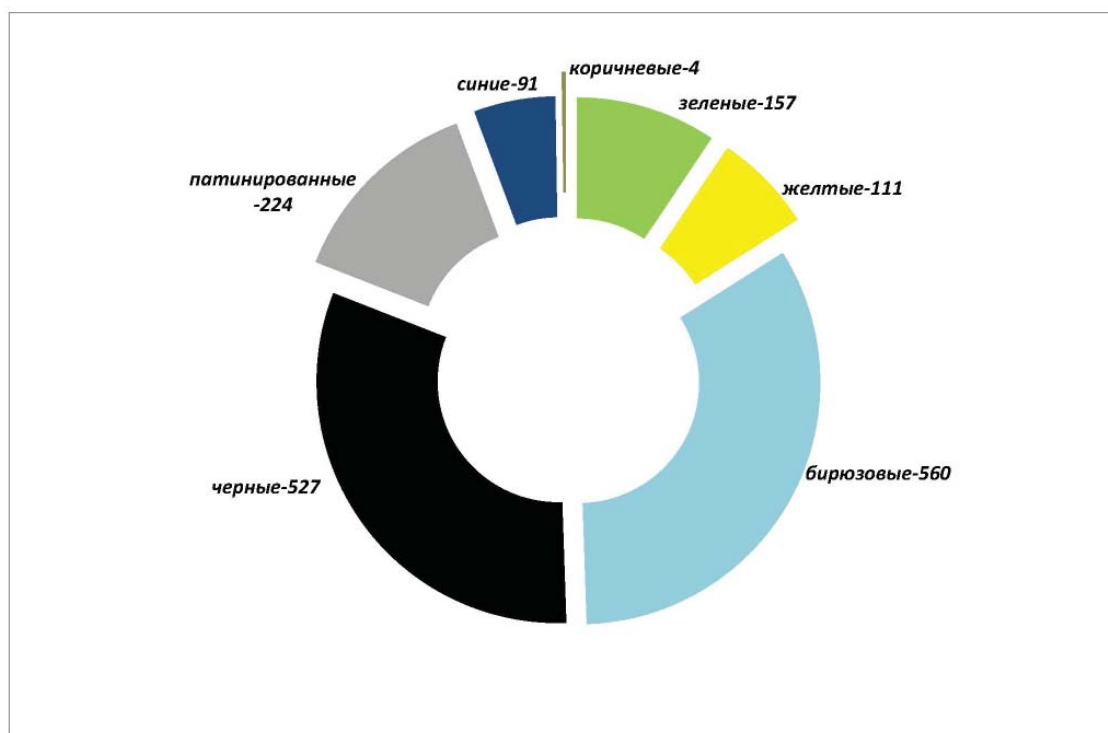

Рис. 2. Диаграмма распределения перстней по цвету стекла (раскопы CLXII, CLXXIX, СХСII – 2011-2021 гг.).

Fig. 2. Diagram of the distribution of signet rings by the color of glass (excavations CLXII, CLXXIX, СХСII 2011-2021)

превышали 2 см и имели характерные сколы (Бадеев и др., с. 233, 234, рис. 1). Не вызывает сомнений, что найденные находки были связаны с мастерской, занимавшейся обработкой янтаря. Мастерская специализировалась на производстве бус битрапециоидного сечения (139 шт.), подвесок ромбовидной формы (107 шт.), прямоугольных вставок (5 шт.) и, возможно, перстней с прямоугольным щитком (3 шт.). С болгарской усадьбой «Е» связано как минимум четыре заглубленных объекта, дневная поверхность которых относилась к верхней части раннего золотоордынского слоя (последняя четверть XIII – начала XIV в.). Хозяйственные постройки были представлены тремя ямами, лишь одна – яма №318 – являлась остатками крупного подвала с деревянными конструкциями внутри, засыпкой пазухов между ними и стенами котлована. Именно из нижней части заполнения подвала происходило максимальное количество янтаря-сырца и производственных отходов (чуть менее 1 кг), а также заготовок и самих изделий – всего 1122 экземпляра. Среди находок из заполнения указанного подвала присутствовали предметы, которые можно отнести к инструментам мастера-резчика: неболь-

шого размера долото, резец, и напильник квадратного сечения, а также характерный нож, лезвие которого резко поднято над осью, проведенной через центр черешка, как полагает ряд исследователей, подобной формы ножи применялись резчиками по кости (Савченкова, 1996, с. 28, рис. 10, 1, 3). Допустимо, что подобной формы ножи применялись и для обработки янтаря. Еще один нож относится к универсальным бытовым ножам. Характер заполнения подвала (наличие угольных прослоек), наличие обугленных деревянных конструкций позволяет предположить, что постройка, а вместе с ней и мастерская погибла в результате локального пожара в первой половине XIV в. Нельзя исключать того, что ее на данной усадьбе сменяет ювелирная мастерская, связанная с производством изделий из цветных металлов. Об этом может свидетельствовать присутствие на территории данной усадьбы в прослойках и объектах 1, 2 субгоризонтов IV – позднего золотоордынского слоя (20-60 гг. XIV в.) большого количества (42 шт.) створок литейных форм. С юго-западным углом усадьбы «Е» связана концентрация рамчатых, бесщитковых пряжек, лировидной формы с небольшими выступами в верхней

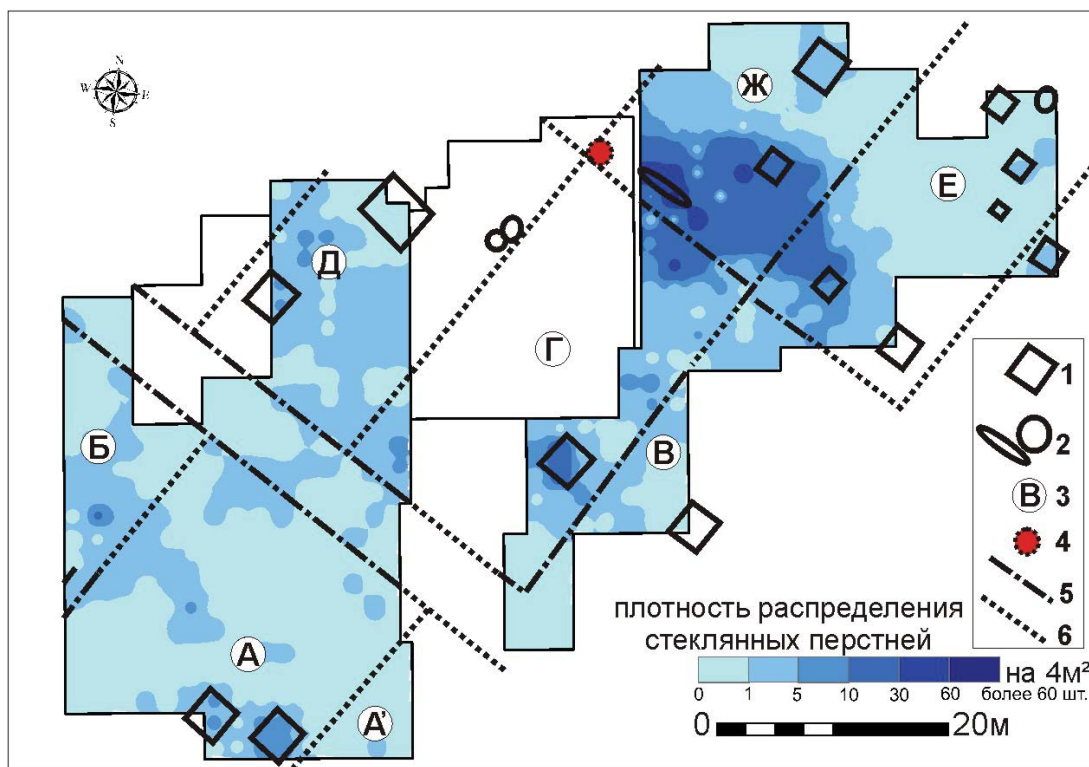

Рис. 3. Усадьбы 20–40 гг. XIV в. Плотность распределения стеклянных перстней (раскопы CLXII, CLXXXIX, СХСII – 2011–2021 гг.): 1 – подвалы; 2 – хозяйственные ямы; 3 – название усадьбы; 4 – место расположения предполагаемого горна (раскопы СХV-1992 г., СХVIII-1993 г.); 5, 6 – границы усадеб.

Fig. 3. Homesteads of 1320–40. Distribution density of glass signet rings (excavations CLXII, CLXXXIX, СХСII 2011–2021): 1 – basements; 2 – household pits; 3 – name of the homestead; 4 – location of the proposed kiln for the production of glass objects; 5, 6 – boundaries of homesteads.

спрямленной части рамки – тип В-16-3 по Г.Ф. Поляковой (1996, с. 196, 197, рис. 66, 4). Всего пряжек данного типа в напластованиях и объектах датирующихся серединой – второй половиной XIV в. на территории усадьбы «Е» было выявлено 12 экземпляров.

Первые свидетельства функционирования на площадке исследований стеклообрабатывающего ремесла (производства стеклянных бус и щитковых перстней) были получены в ходе археологических работ 1989 – 1993, 2000 гг. С площади 472 кв.м происходило 232 экземпляра стеклянных перстней (целых и обломков), а также 602 бусины. Присутствовали, в том числе, и бракованные изделия. Такие показатели перстней и бус на момент проведения работ значительно превышали данные со всей территории Болгарского городища. Среди находок присутствовали 20 кусков оплавленного стекла, «застывшая перевитая струя зеленоватого стекла, капля бирюзового стекла, камешек со следами зеленого стекла», к инструментарию мастера-стеклодела могли относиться обломки тиглей

и железная четырехгранная «спица» с круглой головкой на конце. Все эти находки были сконцентрированы в прослойках 20-40 годов XIV в. (Полубояринова, 2006, с. 152). Однако точных статистических данных по стратиграфическому расположению находок связанных с мастерской по результатам исследований конца XX в. представлено не было. С деятельностью стеклообрабатывающей мастерской, по мнению ряда исследователей, в северо-восточной части раскопов 1989–1993, 2000 г. (раскопы СХV-1992 г., СХVIII-1993 г.) могут быть связаны и остатки глинобитной, производственной печи, «в которой могли варить или разогревать стекло» (Полубояринова, 2006, с. 152). Место расположения возможной глинобитной печи приходится на угол усадеб «Г», «Д», «Ж» (20-40 гг. XIV в.), на участок, где, скорее, можно предполагать остатки межусадебных оград из сырцовых кирпичей, разрозненные фрагменты которых были зафиксированы на границе раннего и позднего золотоордынских горизонтов в различных частях раскопов CLXXXIX и СХСII.

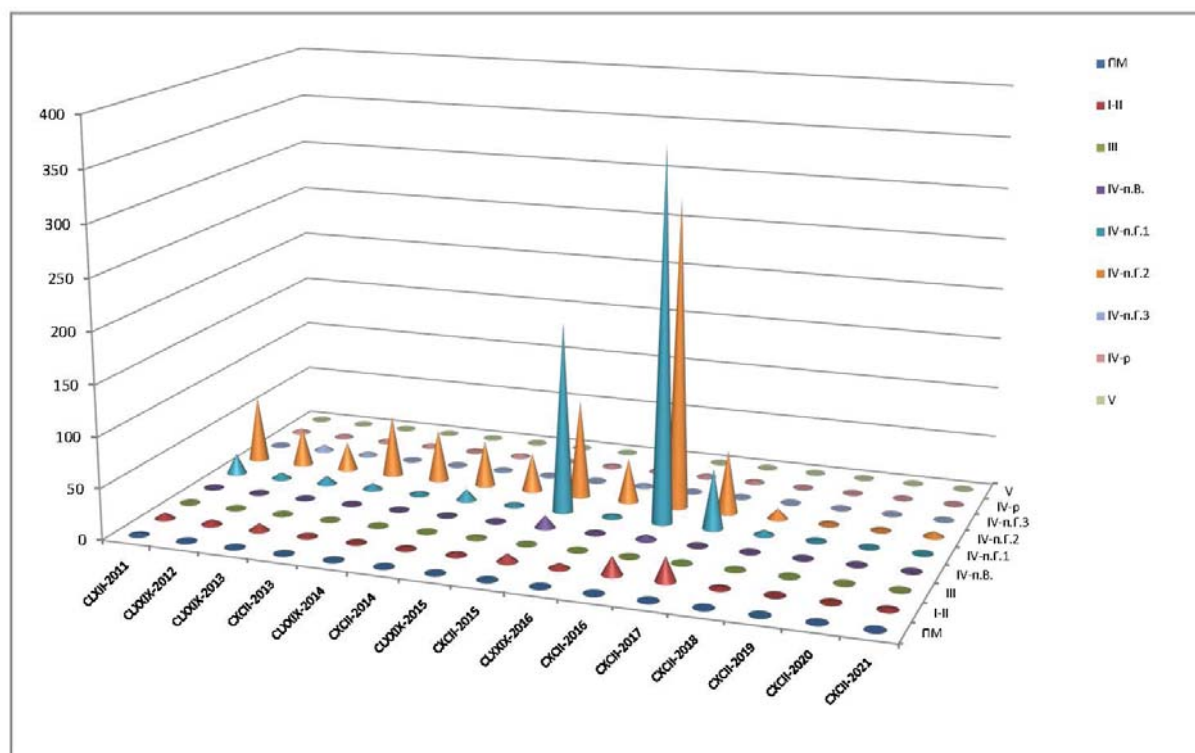

Рис. 4. Гистограмма распределения стеклянных перстней по слоям, субгоризонтам и раскопам (раскопы CLXII, CLXXIX, CXCII – 2011–2021 гг.).

PM – подъемный материал; I–II – слой современного села и русского периода (XVI–XX в.); III – слой времени Казанского ханства (середина XV–XVI в.); IV-п.В. – верхний горизонт позднего золотоордынского слоя (конец XIV – середина XV в.); IV-п.Г.1 – 1 субгоризонт позднего золотоордынского слоя (50–70 гг. XIV в.); IV-п.Г.2 – 2 субгоризонт позднего золотоордынского слоя (20–40 гг. XIV в.); IV-п.Г.3 – 3 субгоризонт позднего золотоордынского слоя (20–40 гг. XIV в.); IV-р – ранний золотоордынский слой (середина XIII – начало XIV в.); V – домонгольский слой (XI – середина XIII в.)

Fig. 4. Histogram of the distribution of glass signet rings by layers, subhorizons and excavations (excavations CLXII, CLXXIX, CXCII of 2011–2021).

PM –lifting material; I–II – layer of the modern village and the Russian period (16th–20thс.); III – layer of the Kazan Khanate period (mid-15th – 16th centuries); IV-п.В. – upper horizon of the late Golden Horde layer (late 14th – mid-15th centuries); IV-п.Г.1 – 1 subhorizon of the late Golden Horde layer (50–70s. 14th century); IV-п.Г.2 – 2 subhorizon of the late Golden Horde layer (1320–40s); IV-п.Г.3 – 3 subhorizon of the late Golden Horde layer (1310–20s); IV-p – early Golden Horde layer (mid-13th – early 14th centuries); V – pre-Mongol layer (11th – mid-13th century)

Уточнить место расположения стеклообрабатывающей мастерской в плане застройки торгово-ремесленного района позволили исследования 2011 – 2021 гг., когда в ходе работ впервые на Болгарском городище было проведено просеивание и промывание культурного слоя через металлическую сетку с размером ячейки 2 см площадки раскопов. В результате этих раскопок с площади 2171 кв.м (раскопы CLXII, CLXXIX, CXCII – 2011–2019 гг.) была собрана коллекция из 1674 стеклянных щитковых перстней, (целых и обломков) большинство из них плосковыпуклые в сечении. На данный момент коллекция стеклянных перстней с Болгарского городища явля-

ется одной из самых представительных среди памятников Восточной Европы. С площадки исследования заметно преобладали перстни из бирюзового и черного непрозрачного стекла – 560 и 527 экземпляров, соответственно. Существенным количеством были представлены изделия из прозрачного зеленого – 157 экз. и желтого – 111 экз. стекла, куда реже присутствовали предметы из синего – 91 экз. и коричневого – 4 экз. стекла (рис. 2). Обращает на себя внимание достаточно большое количество перстней, чей цвет определить не удалось из-за сильной иризации или патинирования поверхности (224 экз.). Такой высокий процент стеклянных изде-

лий подобной сохранности может указывать либо на не очень высокое качество производимой болгарской мастерской продукции или является свидетельством производственного брака, связанного с нарушением технологии производства. Максимальная концентрация изделий из стекла была зафиксирована в северо-западной части раскопа СХСII (2015, 2016 гг.), где с площади в 252 кв.м количество бус, щитковых перстней, браслетов, вставок, а также заготовок в виде палочек (бирюзового, черного, зеленого и желтого стекла), трубочек и производственного брака – оплавленного стеклянного боя, достигало 10389 экземпляров. Значительная часть участка с концентрацией стеклянных изделий и брака приходится на территорию усадьбы «Ж», в то время как со всей площади усадеб «А», «А'», «Б», «Д» (раскоп CLXXIX) происходило только 1843 экземпляра предметов из стекла. Подавляющее большинство из них (9603 экз.) в раскопе СХСII – 2015, 2016 гг. было связано прослойками и объектами позднего золотоордынского периода. Что касается стеклянных перстней, то их максимальная концентрация отмечена в раскопе СХСII-2016 г. (площадь 156 кв.м), откуда происходило 694 экз. (рис. 3). Однако, если в западной и юго-западной частях района исследований (раскоп CLXXIX) стеклянные перстни преобладали в прослойках и объектах 2 субгоризонта IV-позднего слоя (20-40 гг. XIV в.), то в районе максимальной концентрации наибольшее их число относилось к напластованиям и сооружениям 1 субгоризонта IV-позднего слоя (50-60 гг. XIV в.) (рис. 4). Такое распределение стеклянных изделий связанных, прежде всего, со стеклодельной мастерской (в том числе, перстней) можно объяснить тем, что в 50–60-е годы XIV в. на месте производственного комплекса продолжали функционировать усадьбы с жилыми постройками, а, следовательно, в ходе хозяйственной деятельности шло интенсивное перемешивание грунта насыщенного стекольным браком, в то время как на остальной части территории в этот период происходило естественное накопление предметов из стекла, т.е. выпадение обломков пришедших в негодность стеклянных изделий не отличалось от средних показателей предшествующего периода.

Уже в ходе археологических исследований 1989–1993, 2000 гг. было высказано мнение, что на данном участке вместе с производством предметов из стекла, существовало изготовление и украшений из цветных металлов. «На это указывают общие со стеклоделием ингредиенты и добавки, привозимые в сфероконусах (ртуть), а также свинец, марганец, сера, олово, медесодержащие шлаки, приспособления, огнеупорный тигель, формы для отливки украшений, волочило для тонкой (2 мм) проволоки, фрагменты серебряной и медной нити (1 мм), обрезки листовой меди и ножницы» (Кокорина, 2005, с. 113). Всего на площадке раскопов 1989–1993, 2000 г. было выявлено 6 створок каменных литейных форм (Кокорина, 2005, рис. 8, 2, 3; Кокорина, 2012, рис. 1, 2, 4). Судя по количеству и планиграфическому расположению такой категории находок как каменные створки литейных форм на усадьбе «Ж» (рис. 5), спектр выпускаемых изделий не ограничивался лишь предметами из стекла. Совмещение ювелирного и стеклообрабатывающего производств в рамках одной усадьбы встречается и в других средневековых городских центрах, например, в Биляре (Valiulina, 2016). На усадьбе «Ж» и прилегающей территории в прослойках и объектах золотоордынского периода XIV – начала XV вв., а также в вышележащих слоях села XVII – XX вв. отмечена самая высокая концентрация литейных форм и их обломков – 67 экземпляров. Тот факт, что распространение створок литейных форм, как и продукции стеклообрабатывающей мастерской, вышло за границы усадьбы «Ж» можно объяснить перепланировкой участка в ходе строительства здания городского базара в середине XIV в. Судя по тому как расположились находки связанные с ювелирным и стеклообрабатывающим производствами, выравнивание строительной площадки и той части перед торговым сооружением, где пройдет новая улица середины XIV в., происходило путем подрезки грунта в западной и юго-западной части усадьбы «Ж» и засыпки этим грунтом крупного подвала на территории усадьбы «Г», а также заметных на тот момент просадок грунта над более ранними объектами. Наглядным примером такого перемещения грунта является находка двух обломков литейной створки, один из которых происходил из заполнения

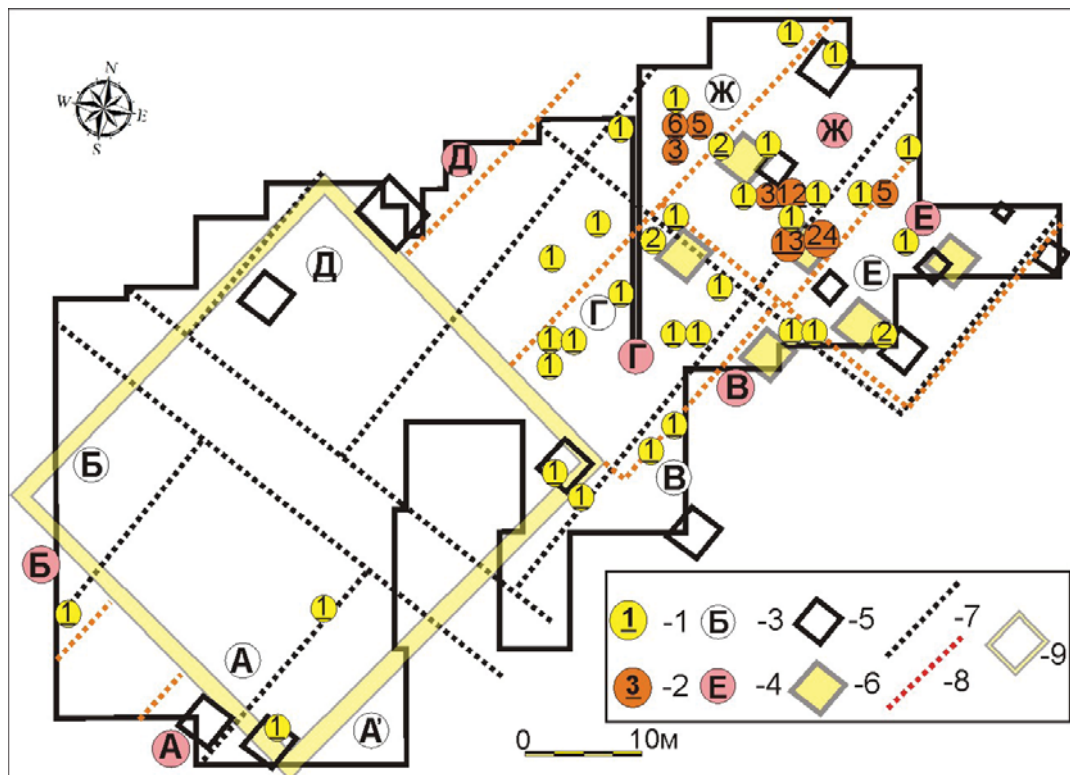

Рис. 5. Планиграфия расположения створок литейных форм на территории усадеб первой половины – середины XIV в. 1, 2 – место расположения литейных форм (с указанием количества в рамках квадрата 2x2 м); 3 – название усадьбы 20-40 гг. XIV в.; 4 – название усадьбы середины XIV в.; 5 – подвалы 20-40 гг. XIV в.; 6 – подвалы середины XIV в.; 7 – границы усадеб 20-40 гг. XIV в.; 8 – границы усадеб середины XIV в.; 9 – базар середины XIV в.

Fig. 5. Spatial distribution of the foundry mold casings in the territory of the estates of the first half – middle of the 14th century. 1, 2 – location of foundry molds (indicating the quantity within 4 sq.m.); 3 – name of the homestead of the 1320–40s; 4 – name of the homestead of the mid-14th century; 5 – basements of the 1320–40s; 6 – basements of the mid-14th century; 7 – boundaries of homesteads of the 1320–40s; 8 – boundaries of homesteads of the mid-14th century; 9 – marketplace of the mid-14th century

ямы 20-40 гг. XIV в. (яма №161), а другой, к юго-западу, в прослойках середины XIV в. Большинство находок каменных литейных форм было сосредоточено в напластованиях и в заполнении объектов позднего горизонта золотоордынского слоя. Присутствие литейных форм в прослойках и объектах 2 субгоризонта IV-позднего золотоордынского слоя позволяет датировать время функционирования мастерской в рамках 20-60 годов XIV в.

Для изготовления створок литейных форм с усадьбы «Ж» использовалось местное сырье – «белый камень» (известняк и меловой мергель), песчаник, и привозное – сланцевые породы, в том числе, талькохлорит, поступавший на территорию Болгара из Средней Азии, прежде всего, в виде котлов. Среди выявленных створок имелось 9 комплектов, каждый из которых состоял из 2 створок. Поражает разнообразием набор изделий предназначенных для изготовления в данных формах:

височные кольца, серьги, грузики грибовидной формы, различные подвески, щитковые перстни, пуговицы, поясная гарнитура, детали миниатюрных замков зооморфной формы и другие. Большинство из них имели широкое распространение на территории Золотой Орды. Особенностью литейных форм с территории усадьбы «Ж» являлось наличие на их поверхностях граффити в виде птиц, геометрических знаков, линий и символов: свастика, «узел счастья», четырехконечного креста с криновидными завершениями на 3 лопастях. Уникальной находкой является литейная форма из сланца, на поверхности которой содержались надписи выполненные буквами кириллического алфавита. Анализ надписи позволяет рассматривать ее в качестве благожелательной надписи, содержащей имя мастера-камнереза или ювелира, который пользовался данной литейной формой (Медынцева и др., 2019, с. 107, 108).

Кроме литейных форм в рамках раскопа СХСII был выявлен и ремесленный инструментарий: железные клещи и миниатюрные топоры (ширина лезвия около 3 см) для рубки проволоки, а также мерные ложечки и пинцеты медного сплава, большое количество сфероконусов, как красноглиняных местного производства, так и импортных, керамических тиглей различных форм, как цилиндрических с округлым дном, так и конусовидных со сливом. Наибольшее количество обломков керамических тиглей – 45 экземпляров было зафиксировано в заполнении подвала с территории усадьбы «Ж» (яма № 161 раскоп СХСII – 2017-18 гг.). Важно отметить и наличие на площадке ювелирной мастерской следов производственного брака – литники медного сплава и свинца, присутствие сырья – слитки желтого металла и свинца, мотки и обрезки медной проволоки, а также серии предметов, на производстве которых, в том числе, специализировалась мастерская – щитковые перстни, миниатюрные зооморфные замки. К изделиям этой же ювелирной мастерской относятся и кольца медного сплава. Такие кольца диаметром 18 и 10 мм могли применяться в поясной гарнитуре. Всего было выявлено 24 экземпляра колец.

Еще одним важным видом ремесленной деятельности на территории исследованных усадеб конца XIII – XIV являлась обработка кости. Этот вид ремесленной деятельности удалось выявить и зафиксировать при помощи археозоологического анализа сырья и технологии изготовления костяных изделий с учетом археологического контекста находок (Яворская, Бадеев, 2019). По концентрации распространения находок, связанных с косторезным ремеслом из комплексов IV-раннего ордынского и 2, 3 субгоризонтов IV-позднего ордынского слоев, мы можем локализовать мастерскую конца XIII – первой половины XIV в. на усадьбе «Д» (рис. 6). К особенностям этой мастерской можно отнести ее специализацию на обработке экзотического сырья: бивни моржа, слона (Яворская, 2018). Среди категорий изделий выпускаемых данной мастерской могли быть рукояти ножей и орнаментированные накладки на колчан. Свидетельствами последнего производства, помимо бракованных изделий и заготовок, выступают 2 фрагмента коровьих ребер, размеченных

тонким лезвием с двух сторон параллельными линиями, между которыми нанесен трехгранно-выемчатый орнамент, такой же, как на колчаных накладках (Яворская, Бадеев, 2019, с. 220, 221, рис. 6). Наиболее убедительная интерпретация таких находок – это «тренировочные» или «учебные» фрагменты, когда перед раскроем и орнаментацией дорогого сырья, каким является слоновый бивень, мастер «набивал руку» или проверял различные пунсоны и резцы перед работой на похожих плоских костях. Еще одна синхронная по времени мастерская могла располагаться на усадьбе «Б», где у ее юго-восточной границы выделяется компактное скопление деталей наборных рукоятей. Практически на всех деталях, обнаруженных при раскопках в исследуемой части, нет следов использования, они не побывали в составе рукоятей, поскольку, по разным причинам не подошли для изделий и выпали в культурный слой или в заполнение сооружений. Зная технологическую последовательность операций по их изготовлению, причины выбраковки легко устанавливаются. Иногда распил заготовки проходил таким образом, что на конкретную деталь или ее часть приходилась более рыхлая структура рога и ее изымали из комплекта рукояти. На других деталях отчетливо видно, что не хватило длины сверла, которым проделывалось центральное отверстие, есть лишь след от входа сверла. Детали наборных рукоятей, обнаруженные при раскопках, имеют разные размеры и форму, на них нанесены различные штриховки и орнамент. Поскольку они предназначались для различных изделий, может быть одно или более отверстий. Эти предметы по-разному обработаны, поскольку не попали в наборы рукоятей на разных стадиях производства основных изделий. Все их объединяет предполагаемое функциональное назначение и тот факт, что они не были в использовании. Высокая концентрация подобных недоделанных или бракованных деталей в культурных напластованиях точно устанавливает факт производства на исследуемом участке памятника таких изделий, как костяные наборные рукояти. Незначительная площадь исследованности усадьбы «Б» не позволяет сделать окончательный вывод о характере существовавшей здесь косторезной мастерской.

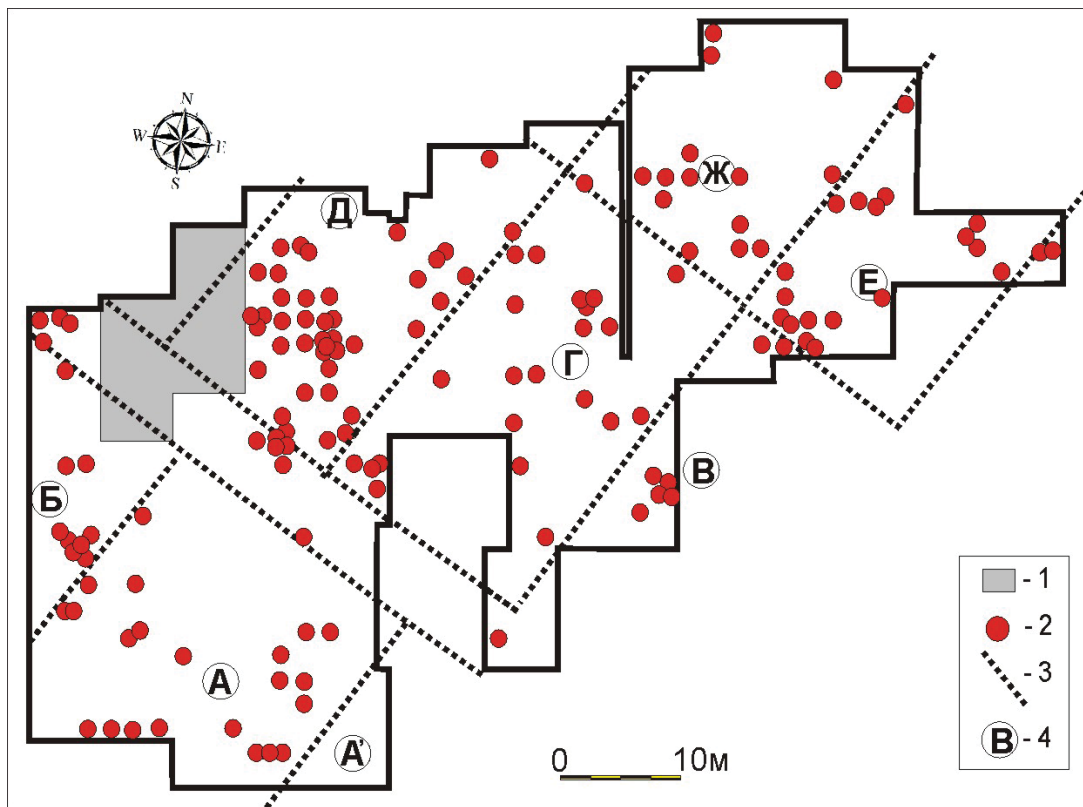

Рис. 6. Усадьбы конца XIII – первой половины XIV в. с распределением находок, связанных с косторезным производством (раскопы CLXII, CLXXIX, CXCII – 2011-2019 гг.).

1 – раскоп CLXII – данные отсутствуют; 2 – расположение находок связанных с косторезным ремеслом из комплексов IV-раннего ордынского и 2, 3 субгоризонтов IV-позднего ордынского слоев; 3 – границы усадеб; 4 – название усадьбы

Fig. 6. Homesteads of late 13th – first half of the 14th centuries with the distribution of finds related to bone-cutting production (excavations CLXII, CLXXIX, CXCII 2011-2019). 1 – excavation CLXII – no data available; 2 – location of the finds related to bone carving from complexes of the IV-early Horde and 2, 3 subhorizons of the IV-late Horde layers; 3 – boundaries of homesteads; 4 – name of the homestead

Подводя итог, необходимо заметить следующие выявленные закономерности: в большинстве случаев зафиксированные ремесленные мастерские внутри усадебного пространства занимали внутреннюю часть усадебного пространства, выделяя, тем самым, жилую и производственную зоны. Исключение составляет косторезное производство, маркеры которого фиксируются в большей степени на тех участках усадьбы, где размещались жилые постройки, а отходы косторезных мастерских фиксировались и на

прилегающей к усадьбам уличной территории. Перемещение предметов относящихся к жизнедеятельности одного из дворовладений редко происходило на значительные расстояния. Лишь в случаях крупномасштабных перепланировок, связанных с необходимостью нивелировки значительных площадей, например при возведении монументальных сооружений, грунт, а, следовательно, и характерные для той или иной усадьбы предметы ремесленного производства, могут быть перемещены на существенные расстояния.

ЛИТЕРАТУРА

Бадеев Д.Ю. Городская планировка Болгара к юго-западу от Соборной мечети в 30–70-х гг. XIV в. // КСИА. 2015. Вып. 257. С. 200–210.

Бадеев Д.Ю. Усадьбы золотоордынского Болгара // Генуэзская Газария и Золотая Орда Т. 2. / Под ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань, Кишинев: Stratum plus, 2020 (2019). С. 297–306.

Бадеев Д.Ю., Гареев Б.И., Баталин Г.А. Мастерская по обработке янтаря с территории золотоордынского Болгара // КСИА. 2019. Вып. 257. С. 232–246.

Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю. Исследования ремесленно-торгового района средневекового Болгара // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). С. 270–289.

Валиулина С.И. Химический состав стекла Болгара и Суvara // *Stratum plus*. 2016. № 6. С. 337–356.

Зеленев Ю.А. Золотоордынские города Поволжья: возникновение, время существования и этнокультурная характеристика // История и современность. 2010. № 1. С. 113–122.

Кокорина Н.А. Ювелирная мастерская из Болгара // Древности Поволжья: эпоха средневековья. (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды) Материалы II Всероссийской конф. «Поволжье в средние века» (25–28 сентября 2003 г. Казань – Яльчик) / Отв. ред. К.А. Руденко. Казань: РИЦ «Школа», 2005. С. 109–132.

Кокорина Н.А. Знаки ремесленников на болгарских литейных формах // Поволжская археология. 2012. № 1 (1). С. 129–143.

Кокорина Н.А., Полубояринова М.Д., Полякова Г.Ф. Исследование торгово-ремесленного квартала в центральной части Болгара (1989–1993 гг.) // Город Болгар и его округа. Тезисы докладов научной конференции, посвященной 25-летию БГИАЗ. Болгар, 1994. С. 22–23.

Медынцева А.А., Коваль В.Ю., Бадеев Д.Ю. Кириллические тюркоязычные надписи мастеров-камнерезов Восточной Европы XIV-XV веков // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 47, № 4. 2019. С. 105–111.

Полубояринова М.Д. Стеклодельная мастерская XIV в. в городе Болгаре // РА. 2006. № 4. С. 152–158.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: Изд-во ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ. 1996. С. 154–257.

Савченкова Л.Л. Черный металл Болгара. Типология // Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: Изд-во ИЯЛИ. 1996. С. 5–88.

Хованская О.С. Новые данные о городе Болгаре // КСИИМК. Вып. XXXVIII. М.: Изд-во Академии Наук СССР. 1951. С. 120–127.

Яворская Л.В. Экзотическое сырье костяных артефактов из раскопок золотоордынских городов // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 3. С. 206–217.

Яворская Л.В., Бадеев Д.Ю. Косторезные мастерские в торгово-ремесленном районе средневекового Болгара: критерии выявления // Поволжская археология. 2019. № 4 (30). С. 210–225.

Valiulina S.I. Medieval workshop of an alchemist, jeweler and glassmaker in Bilyar // *Památky archeologické*. 2016. № CVII. P. 237–278.

Информация об авторе:

Бадеев Денис Юрьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия), denisbadeev@mail.ru

REFERENCES

Badeev, D. Yu. 2015. In *Kratkie soobshcheniia Instituta Arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* (237), 200–210 (in Russian).

Badeev, D. Yu. 2020. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)* 2. Kazan–Chisinau: “Stratum Plus” Publ., 297–306 (in Russian).

Badeev D. Yu., Gareev, B. I., Batalin, G. A. 2019. In *Kratkie soobshcheniia Instituta Arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* (257), 232–246 (in Russian).

Badeev, D. Yu., Koval, V. Yu. 2018. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region archaeology)* 24 (2), 270–289 (in Russian).

Valiulina, S. I. 2016. In *Stratum plus* (6), 337–356 (in Russian).

Zelenev Yu. A. 2010. In *Istoriya i sovremennost' (History and Contemporaneity)* (1), 113–122 (in Russian).

Kokorina, N. A. 2005. In Rudenko, K. A. (ed.). *Drevnosti Povolzh'ia: epokha srednevekov'ia (issledovaniia kul'turnogo naslediiia Volzhskoi Bulgarii i Zolotoi Ordy) (Antiquities of the Volga Region: the Medieval Period (Studies of the Cultural Heritage of Voga Bolgaria and the Golden Horde))*. Kazan: “Shkola” Publ., 109–132 (in Russian).

Kokorina, N. A. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region archaeology)* 1 (1), 129–143 (in Russian).

Kokorina, N. A., Poluboiarinova M. D., Poliakova, G. F. 1994. *Gorod Bolgar i ego okruza. Tezisy dokladov nauchnoi konferentsii, posviashchenoi 25-letiiu BGIAZ (Bolgar City and its Neighbourhood)*. Bolgar, 22–23 (in Russian).

Medyntseva, A. A., Koval, V. Yu., Badeev, D. Yu. 2019. In *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 47 (4), 105–111 (in Russian).

Poluboiarinova, M. D. 2006. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 152–158 (in Russian).

Poliakova, G. F. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 154–257 (in Russian).

Savchenkova, L. L. 1996. In Fedorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov (City of Bolgar. Craft of Metallurgists, Smiths, Founders)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 5–88 (in Russian).

Khovanskaia, O. S. 1951 In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XXXVIII. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 120–127 (in Russian).

Yavorskaya L. V. 2018. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii 4. Istorii. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia (Bulletin of Volgograd State University. Series 4. History. Regional Studies. International Relations)* 3 (23). 206–217 (in Russian).

Yavorskaya L. V., Badeev D. Yu. 2019. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region archaeology)* 30 (4), 210–225 (in Russian).

Valiulina, S. I. 2016. In *Pamatki archeologichke (Archaeological monuments)* (CVII), 237–278 (in English).

About the Author:

Badeev Denis Yu. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117292, Russian Federation; denisbadeev@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.10.2021 г.
Статья принята к публикации 01.12.2021 г.